

СѢДѢ
СѢДО
ТѢРПЕЦЬ

Ѹ
ГЕ
НІИ
БОГКИ

Претерпевший до конца

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОСЛАВЛЕНИЯ В ЛИКЕ СВЯТЫХ ЛЕЙБ-МЕДИКА ЕВГЕНИЯ БОТКИНА

«Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма — по крайней мере, отсюда, — хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, — мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, как хочешь: последствия почти тождественны...

У детей моих может быть еще надежда, что мы с ними еще свидимся когда-нибудь и в этой жизни... но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза... Меня поддерживает убеждение, что "претерпевший до конца спасется"... Если вера без дел мертва, то дела без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединится и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей...

Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына».

Это фрагмент из последнего неоконченного письма лейб-медика царской семьи Евгения Сергеевича Боткина его брату Александру, написанного им накануне страшной июльской ночи 1918 года, когда он был расстрелян вместе с императорской семьей и слугами. В 2026 году исполняется десять лет со дня прославления Евгения Боткина Русской Православной Цер-

ковью в лике страстотерпцев. Символично, что в этом году Москву посетил его правнук Жан Смолвуд и в Россию вернулись реликвии семьи Боткиных.

Нарекли в честь мученика-страстотерпца

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая 1865 года в Царском Селе. Он был четвертым ребенком в многодетной семье знаменитого врача-терапевта, выдающегося ученого, педагога и общественного деятеля Сергея Петровича Боткина. Мальчика сначала хотели назвать Михаилом. И его дядя Петр Петрович, который стал крестным отцом младенца, преподнес ему подарок — денежный вклад и банковский билет, на котором написал: «Мишин билет». Однако при крещении ребенка нарекли Евгением в честь одного из Пятотисленных мучеников-страстотерпцев, которые пострадали за Христа при императоре Диоклетиане в Севастии Армянской.

Происходил Евгений Боткин из известного купеческого рода, представители которого были не только врачами, но и писателями, художниками, литераторами, искусствоведами, коллекционерами, изобретателями, дипломатами. Усадьба Боткиных в Москве в Петроверигском переулке («дом на Маросейке», как называли его москвичи) в XIX веке стала одним из центров культурной и общественной жизни города. На так называемые боткинские субботы собирались ученые, музыканты, художники, писатели, среди которых были Николай Гоголь, Лев Толстой, Иван Тургенев, Афанасий Фет, Салтыков-Щедрин, актеры Михаил Щепкин, Павел Мочалов.

*Е. С. Боткин
с дочерью
Татьяной. 1912 г.
(слева)*

*Доктор Боткин
с врачами
отделения
Красного Креста.
Харбин. 1905 г.
(справа)*

В этом доме родился и вырос Евгений Боткин. Его отец Сергей Петрович Боткин также был почетным лейб-медиком императорского двора и спустя два года был назначен лечащим врачом императрицы Марии Александровны, супруги царя Александра II, а позже и царя Александра III.

Несмотря на столь высокое положение, Сергей Петрович оставался доступным для простых пациентов и часто мог лечить их бесплатно. Современники отмечали его особо внимательное отношение к людям. Его слова о том, что надо лечить не болезнь, а больного, стали крылатой фразой. Он учил своих сыновей, что врач должен быть нравственным человеком, готовым на жертвенный подвиг ради пациента. «Любовь к ближнему, чувство долга, жажда знаний» — таков был девиз Сергея Петровича Боткина. Эти уроки в полной мере были усвоены его сыном Евгением.

Боткины были глубоко религиозными людьми и много жертвовали на устройство храмов. В 1882 году Сергей Петрович купил в Финляндии мызу Култилла и сразу после приобретения этой усадьбы стал строить храм, поскольку ближайшая церковь находилась в двенадцати верстах от их дома. В возведенный Боткиными храм во имя апостолов Петра и Павла съезжалась вся округа. Примечательно, что

посмотреть на крестные ходы приходили и коренные жители — финны, исповедовавшие протестантизм. Они работали в имении Боткиных, Сергей Петрович часто лечил их бесплатно. На Пасху после праздничного богослужения их всегда ждали подарки от хозяев. Такая доброта действовала лучше всякой проповеди: некоторые из них принимали Православие.

Пришел в мир ради людей

Большое влияние оказала на Евгения его мать. Он перенял ее добрый, чуткий характер. Петр Сергеевич Боткин вспоминал о брате Евгении: «Он был бесконечно добрым. Можно было сказать, что пришел он в мир ради людей и для того, чтобы жертвовать собой». Но когда Евгению было десять лет, мать умерла, и это стало для мальчика настоящим горем. Помимо родителей большим авторитетом для него был тот самый дядя Петя, который в начале его жизни подарил «Мишин билет». Петр Петрович Боткин был не только крупным чаеоторговцем и владел сахарными заводами, но также являлся старостой Храма Христа Спасителя, пожертвовал на его строительство большую сумму. Он поддерживал своего крестника, и в течение многих лет Евгений вел доверительную переписку с дядей, советовался с ним в важных жизненных вопросах.

Евгений получил прекрасное домашнее образование и сразу стал учеником пятого класса 2-й Санкт-Петербургской классической гимназии. После ее окончания он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но проучившись всего один год, решил стать врачом. К тому времени завершилась реорганизация Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. И Евгений, сдав экзамены за первый курс университета, перешел на младшее отделение пригготовительного курса Военно-медицинской академии. Как позднее писал его брат Петр, медицина соответствовала желанию Евгения помогать людям, поддерживать их в тяжелую минуту, облегчать боль, исцелять.

Академия славилась тем, что в ее стенах не только давали фундаментальное медицинское образование, но и воспитывали будущих врачей, преданных как своей профессии, так и вере и Отечеству. В этом учебном заведении была своя кафедра богословия, на которой трудились известные священнослужители Санкт-Петербургской епархии. В главном здании академии находилась церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери, где помимо богослужений проходили все академические торжества. На храмовых стенах были установлены мемориальные доски с именами выпускников, погиб-

ших при исполнении своего врачебного долга во время войн и эпидемий. Студенты академии числились на военно-медицинской службе, принимали военную присягу.

В 1889 году, когда Евгений оканчивал академию, умер от ишемической болезни сердца его отец. Сергею Петровичу было всего пятьдесят восемь лет. Как написал его близкий друг, врач и общественный деятель Николай Андреевич Белоголовый, «смерть унесла с земли своего непримиримого врага».

Благодаря успехам в учебе и громкой фамилии Евгений мог сразу получить хорошую должность с высоким окладом. Ему предлагали стать личным врачом великого князя Георгия Александровича, третьего сына императора Александра III. Но он любезно отказался. Как отмечала его дочь Татьяна, Евгений Сергеевич был чрезвычайно скромным и сам хотел добиться успеха.

Он начал свой врачебный путь в Санкт-Петербургской Мариинской больнице для бедных. Жалованье положили невысокое, но в то время это была одна из лучших больниц в городе, куда стремились многие молодые врачи. Спустя год Евгений отправляется в заграничную командировку, где в течение полутора лет проходит практику в берлинских клиниках, занимается научной работой. По возвращении

Е. С. Боткин с государем Николаем II и офицерами на одном из островов Финского залива. 1910 г.

Удостоверение
доктора Боткина
на право входа
в «Дом Свободы».
Тобольск. Ноябрь
1917 г. (слева)

Е. С. Боткин
с санитарями.
Харбин. Август
1905 г. (справа)

переходит на работу в Придворную певческую капеллу. Правда, через год с лишним возвращается в Мариинскую больницу.

Работая практикующим врачом, Евгений не бросает науку и в 1893 году блестяще защищает диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук, которую он посвятил памяти отца. Официальным оппонентом на защите был физиолог Иван Павлов.

В 1897 году, оставаясь сверхштатным врачом Мариинской больницы, Боткин начинает работать в общинах сестер милосердия Российского общества Красного Креста, таким образом стремясь еще больше посвятить себя служению ближнему.

Мирная жизнь для Евгения Боткина заканчивается в 1904 году, с началом Русско-японской войны. Он оставляет жену и четверых маленьких детей и отправляется добровольцем в район боевых действий в Маньчжурии помощником главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при действующих армиях по медицинской части. Сохранилось воспоминание, как на маленькой опустевшей станции, которая была уже покинута отступающими русскими войсками, врач Боткин делал перевязку раненому солдату. Тот был взволнован гулом орудий приближающегося противника и нервно повторял: «Японцы уже близко, не сможем выбраться!» На что Боткин отвечал:

«Ничего, успеем. А если не удастся, то я останусь с тобой». Как замечают исследователи жизни этого удивительного человека, признанного посмертно святым, в этой невозможности уйти, когда всем остальным кажется невозможным остаться, — вся глубина и тайна личности Евгения Боткина, бывшего до конца верным Богу, царю и своему врачебному долгу. За мужество, проявленное на войне, он был награжден орденами святого Владимира IV и III степени с мечами и произведен в звание статского советника.

Тот, который был на войне

Евгений Боткин стал лейб-медиком царской семьи в 1908 году. Его кандидатуру выбрала императрица Александра Федоровна. После смерти царского лейб-медика Густава Гирша в 1907 году Ее Величество спросили, кого бы она желала пригласить на место семейного врача, она тут же ответила: «Боткина». У нее уточнили, какого именно Боткина, поскольку тогда было несколько известных врачей с этой фамилией — Евгений Сергеевич и его старший брат Сергей. «Того, который был на войне», — ответила государыня.

В то время вышла книга Евгения Сергеевича «Свет и тени Русско-японской войны», собранная из его писем жене с фронта. В них он описывал как тяжелые и порой ужасные будни военно-полевого госпиталя, так и величие духа

русских солдат и своих коллег — сестер милосердия и военных врачей. Книга произвела большое впечатление на современников, в том числе на императрицу.

Государь поддержал свою супругу и в пасхальное воскресенье, 13 апреля 1908 года, подписал указ о назначении доктора Боткина своим лейб-медиком.

В царской семье трудилось больше сорока врачей разной специализации, некоторые из них превосходили приват-доцента Боткина своими учеными степенями. Но Евгений Сергеевич был прекрасным диагностом и имел большую любовь к своим пациентам, был чутким и мягким с ними, что заметно выделяло его из всего штата лейб-медиков. Помимо императора и императрицы он ежедневно осматривал царских детей. И все члены семьи Николая II искренне любили своего доктора. Особенно теплые отношения у него сложились с цесаревичем Алексеем. У больного гемофилией наследника было несколько докторов, они постоянно следили за его состоянием. Но мальчик сильно привязался к Боткину, который испытывал к этому ребенку, каждую секунду могущему умереть, особое сострадание и теплоту. Он не только лечил Алексея, облегчая его страдания, но и много гулял и играл с ним, чтобы поддерживать его в бодром настроении.

Однажды в порыве чувств цесаревич сказал доктору-другу: «Я вас люблю всем своим маленьким сердцем».

В силу своих обязанностей Евгений Сергеевич должен был постоянно находиться при императоре и его семье, служба лейб-медика проходила без выходных и отпусков. Как правило, увольнение в отпуск производилось только по каким-то серьезным причинам — по болезни или по высочайшему повелению. Жена и четверо детей Боткина переехали жить в Царское Село, но своих домочадцев он видел нечасто. В 1911 году Евгений Сергеевич пережил развод с женой. Дети выбрали остаться с отцом, и он, несмотря на свою занятость, не оставлял заботы о трех сыновьях и дочери, беспокоился не только об их здоровье и образовании, но и о нравственном воспитании. Собственным примером он учил их самоотверженности и состраданию к людям, преподавал им главную евангельскую заповедь — любви к Богу и к ближнему. И уроки не прошли бесследно.

С началом Первой мировой войны его старшие сыновья Дмитрий и Юрий отправляются на фронт. От отца они слышали только слова поддержки, хотя тот не понаслышке знал, что такое война. Юрию было всего семнадцать лет, он не имел воинского звания, а еще учился в Александровском лицее, не окончив его, он

Врач Боткин с детьми Глебом, Татьяной, Юрием и Дмитрием. 1910 г.

*Русские
колонисты на
ступеньках замка
Оржер во Франции*

ушел воевать добровольцем. Дмитрий окончил Пажеский корпус, из которого был выпущен хорунжим лейб-гвардии Казачьего полка, с ним и отправился на фронт. Он героически погиб 3 декабря 1914 года. Находясь в разведке со своим кавалерийским взводом, хорунжий Боткин попал под перекрестный огонь противника и, приказав казакам рассыпаться и уйти, сам остался один. Его ранили, он упал с лошади и оказался в окружении германской пехоты. На предложение сдаться ответил по-немецки: «Русский офицер никогда не сдастся!» — и начал отстреливаться из револьвера, смертельно ранил немецкого офицера и был убит ответным огнем.

Государь посмертно наградил Дмитрия Георгиевским крестом IV степени и, лично передавая отцу эту награду, произнес: «Я рассказал своим детям о героической смерти вашего сына». Сам же Евгений Сергеевич так говорил о гибели Дмитрия: «Меня нельзя рассматривать как несчастного... Нет, решительно я счастлив тем на этой земле, что имел такого сына, как мой любимый Митя. Я счастлив, так как проникся священным восхищением этим мальчиком, который без колебаний, с прекрасным порывом, отдал свою совсем молодую жизнь во имя чести своего полка, армии, своего Отечества».

Сам Евгений Сергеевич с началом войны попросил государя направить его на фронт, но император поручил ему остаться при государыне и детях в Царском Селе. Однако и в таком положении доктор стремился помогать защитникам России и одним из первых открыл лазарет для легкораненых в своем доме, где медсестрой стала работать его дочь Татьяна. Примеру Боткина последовали многие царскосельские жители, и в скором времени благодаря его усилиям в Царском Селе появилось тридцать частных госпиталей, а позднее их число увеличилось до семидесяти.

С этого момента мы в руках Божиих

События февраля и марта 1917 года — революцию и отречение императора Николая II — Евгений Сергеевич воспринял с благородством, бесстрашием и спокойствием истинного христианина. Заботясь о безопасности своих детей, он попросил их покинуть дом в Царском Селе и переехать жить к знакомым. Благословляя их, он сказал: «С этого момента мы в руках Божиих».

Седьмого марта в Александровский дворец, где проживала царская семья, приехал генерал Корнилов и объявил придворным и слугам, что государь и его семья арестованы, поэтому они освобождаются от своих прежних обязанностей

и, если не хотят попасть в заключение вместе с низложенным монархом, должны покинуть дворец. Боткин не оставил своих царственных пациентов, несмотря на то что его должность была упразднена и ему перестали платить жалование. Быть верным государю означало для него быть верным заповедям Божиим. Недаром он выбрал своим жизненным девизом слова «Верою. Верностью. Трудом».

Именно этот девиз был выбран спустя сто с лишним лет после тех трагических событий для названия выставки, проходившей в апреле 2026 года в Москве в Музее Императора Николая II. Она была посвящена возвращению в Россию семейных реликвий Боткиных. На ее открытие прилетел из Франции правнук святого врача — Жан Смолвуд. Примерно за полгода до этого он выставил на парижском аукционе вещи, когда-то принадлежавшие его прадеду, а затем бабушке — дочери Евгения Сергеевича Татьяне. И благодаря коллекционеру Александру Воронову они были выкуплены и привезены в Россию.

Среди реликвий — икона святителя Иоанна Тобольского, которую Евгению Боткину передала императрица Александра Федоровна для его дочери Татьяны в 1918 году в тобольской ссылке, перед отъездом царской семьи в Екатеринбург. На обороте она написала текст тропаря святителю Иоанну, год и месяц — Януарий и вместо подписи — букву «А». В тех условиях она не могла полностью написать свое имя. Известно, что митрополит Иоанн (Максимович) был последним святым, прославленным Русской Церковью при царе. Царственная чета особо чтит сибирского чудотворца, и благодаря их настойчивости он был канонизирован. Спустя десятилетия Татьяна Боткина в своих мемуарах писала: «Прошло шестьдесят лет, и в маленькой загородной комнате, где я заканчиваю свои дни под иконой, подаренной мне в Тобольске — мне кажется, целую вечность назад — Императрицей Александрой, я часто чувствую себя последней выжившей с распавшейся планеты». Другой привезенной семейной реликвией является икона Спаса Нерукотворного Образа в серебряном окладе, которую императрица также подарила дочери Боткина Татьяне. Она тогда тяжело болела менингитом, и таким образом царица хотела

поддержать отца и его дочь. Позже эта икона стала крестильной для Жана.

Замок русских

Сегодня Жан Смолвуд живет в часе езды от Тулузы, а родился он в Ницце в 1945 году. Здесь и был крещен в Никольском соборе с именем Иван. Вспоминает, что до шестнадцати лет жил с бабушкой. Она много рассказывала о России и воспитывала внука в русской культуре. Признается, что тогда даже не знал, что живет не в русском мире. Бабушка много рассказывала внуку о своем отце. Но и сегодня Жану не просто вспоминать эти истории, настолько тяжело он переживает случившееся с его прадедом и с его семьей. На вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах последний раз Татьяна виделась со своим отцом, он закрывает глаза и какое-то время просто молчит, не в силах ничего ответить, а потом рассказывает:

— Татьяна приехала с братом Глебом к отцу в Тобольск в сентябре 1917 года, и они жили вместе с ним в специально отведенном для императорской свиты доме до 26 апреля 1918 года, когда лейб-медик Боткин с царской семьей отбыл в Екатеринбург. Напротив стоял губернаторский дом, где поселили царскую семью. Комиссар Панкратов, возглавлявший отряд особого назначения, который охранял царя, его супругу и детей, не разрешил Татьяне

*Юрий Боткин
с сестрой
Татьяной перед
его отправкой
на фронт. 1914 г.*

Правнук Евгения Боткина Жан Смолвуд (в центре) в сопровождении клирика Корсунской епархии иерея Антония Сиденко посетил Боткинскую больницу в Москве. Апрель 2026 г. (слева)

Татьяна Боткина с дочкой, внучкой и правнуком. Франция (справа)

и Глебу учиться вместе с великими князьями, как того просила императрица. Но они все равно общались, обмениваясь записками, вещами. Глеб прекрасно рисовал и придумывал сказочные истории про царство животных, которые были очень похожи на людей, делал к ним картинки. И прадед тайно проносил рисунки царским детям. Они были в восторге (в 1996 году дочь Глеба Марина издаст в США наследие отца, назвав книгу «Утраченные сказки: рассказы для царских детей»). Помню, бабушка рассказывала, как цесаревичу Алексею очень понравилась военная форма, которую Глеб нарисовал, она была выдуманной. И наследник сказал, что когда он станет императором, то у его войска будет такая же форма. От этих слов особенно щемит сердце, потому что мы знаем, как закончилась жизнь этого прекрасного юноши. В день отъезда императора, императрицы, великой княжны Марии и моего прадеда и других представителей свиты из Тобольска в Екатеринбург (позже, 23 мая 1918 года, большевики доставят еще трех великих княжон и цесаревича) Татьяне и Глебу не разрешили проститься с отцом. Они смотрели в окно, как отъезжающие садятся в повозки, как их отец отдает свою доху царице и ее дочери, чтобы утеплить перед дальней дорогой. Он увидит Татьяну в окне

и несколько раз благословит ее. Это и станет их последним прощанием.

О гибели царской семьи, их отца и слуг Глеб и Татьяна узнали в Тобольске, где они еще некоторое время оставались. Здесь Татьяна обручилась с поручиком Константином Мельником. Как замечает Жан, они познакомились благодаря Евгению Сергеевичу. Он лечил Мельника в царскосельском госпитале и позже написал ему письмо, в котором просил поручика приехать в Тобольск и поддержать его дочь и сына. Татьяну же он убеждал выйти замуж за Константина, охарактеризовав его как необыкновенного человека. Поручик пересек всю Россию, спрятав в карман свои погоны, и встретился с детьми Боткина. Вместе с войсками Белой армии Колчака они добрались до Владивостока. Глеб отправился в Японию, а с 1921 года стал жить в США, где, получив художественное образование, работал художником-иллюстратором. Татьяна же с мужем и с недавно появившейся на свет дочерью из Владивостока направились в Югославию, а позже переехали во Францию, где под Греноблем, в местечке Рив-сюр-Фюр Константин Мельник сумел организовать огромную русскую общину. Эмигранты работали на местной целлюлозно-бумажной фабрике, а жили в заброшенном замке, который местные жители прозвали «за-

мок русских». Община просуществовала почти полвека. Здесь был свой театр, сюда приезжали с лекциями и концертами многие известные русские общественные деятели, артисты, писатели, и среди них Бунин, Шмелев, Зайцев. Живущим в общине детям прививали русскую культуру. В цокольном этаже замка открыли храм во имя архангела Михаила, среди прихожан был и композитор Игорь Стравинский.

Чтобы род Боткиных не прервался

Не выдержав испытаний жизни эмигрантов, Константин и Татьяна расстались в 1929 году. Он так и остался до самой своей кончины в 1977 году жить в созданной им общине. Похоронили его на местном кладбище. А Татьяна с тремя детьми переехала в Ниццу, а затем в Париж к младшей дочери Елене (матери Жана). Она прославилась своей книгой «Воспоминания о царской семье», изданной в 1921 году в Белграде. Окончила свою жизнь Татьяна Мельник-Боткина в 1986 году в Париже, похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Сегодня ее внук Жан также пишет книгу воспоминаний, в которую войдут рассказы его бабушки о ее детстве в Царском Селе, затем о пребывании в Тобольске, о ее побеге через Сибирь, о непростой жизни, а порой и о выживании во Франции с единственным желанием, чтобы род

Боткиных не прервался. Будет также написано о событиях, случившихся уже после кончины бабушки. И появится отдельная глава о поездке в Россию. Впервые ее посетив, он увидел, как здесь почитают царскую семью, с каким почтением относятся к его прадеду. Он получил столько вопросов, что его книга теперь станет толще как минимум в два раза. В нее войдет и рассказ о поездке в Москву, где он увидел дом Боткиных, посетил Боткинскую больницу и был впечатлен ее размахом — «никогда не видел, так хорошо организованного и структурированного госпиталя» — и даже заключил, что неизвестно, кто кого прославляет — Боткины больницу или больница Боткиных. Жан также уточнил, что врачебная династия Боткиных продолжилась: его два брата — хирурги. Им будет описана и поездка в Петербург, где в Екатерининском приделе Петропавловского собора Петропавловской крепости он смог поклониться могилам святых праведных царственных страстотерпцев и своего прадеда — святого праведного страстотерпца Евгения-врача, побывать в Царском Селе и увидеть дом, где жили Боткины. Теперь Жан планирует, когда книга будет написана и издана, и если позволит здоровье, приехать с презентацией в Россию и увидеть Екатеринбург.

Елена АЛЕКСЕЕВА

Иерей Антоний Сиденко и Жан Смолвуд у портрета С. П. Боткина в Боткинской больнице. Копия портрета работы Ивана Крамского сделана специально для больницы художником А. Архиповым в 2021 г. (слева)

Икона Спаса Нерукотворного Образа в серебряном окладе, подаренная императрицей Александрой Федоровной дочери Боткина Татьяне. В апреле 2026 г. реликвия семьи Боткиных вернулась в Россию (справа)